

- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998
- Пелих Г.И. *Шелаб* — крылатый дьявол (из истории селькупской мифологии) // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992.
- Плотников А.Ф. Нарымский край // Зап. ИРГО по отд. статистики. СПб., 1901. Т. X. Вып. 1.
- Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Л., 1935. Ч. 1.
- Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Труды ИЭ. Новая серия. Т. XVIII. М.; Л., 1952.
- Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. Т. XI. М.; Л., 1949.
- Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л. 1981.
- Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сб. МАЭ. Т. XXXIII. Л., 1977.
- Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сб. МАЭ. Т. XX. М.; Л., 1961.
- Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Третьяков П. Туруханский край // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1869. Т. 2.
- Шаргородский Л.Т. Погребальный обряд тазовских селькупов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.
- Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956г.) // Труды ТГОИАМ. Томск, 1994. Т. VII.
- Donner K. Bei den Samojedern in Sibirien. Stuttgart, 1926.

А.И. Терюков

МИГРАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Работа выполнена в рамках проекта «Этнокультурные и миграционные процессы в сельских районах Северо-Запада РФ в исторической перспективе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

История формирования современного населения Ленинградской области есть результат длительных миграционных процессов и адаптации к новым политическим, экономическим и экологическим условиям различных этнических групп. До настоящего времени эта проблема чаще всего рассматривалась только с точки зрения политической истории региона, вхождения территории Северо-Запада

России в состав различных государственных образований.

Научной новизной проекта является рассмотрение проблемы формирования населения Ленинградской области сквозь призму различных миграционных движений, выявление причин движения населения как извне, так и внутри региона, участия государства и других политических структур в проведении миграционных и адаптационных процессов.

Практическая значимость и актуальность исследуемой темы проекта выражается в том, что в настоящее время регион после периода стабильности в 1970–1985 гг. и периода серьезных социально-экономических кризисов 1990–2000 гг. вступает в стадию нового экономического развития. Но этот этап сопряжен большими трудностями, в первую очередь социально-демографическими. Экономический рост сдерживается в первую очередь нехваткой рабочей силы, решение которой в масштабах как региона, так и страны властные структуры видят в привлечении людских масс извне, т.е. миграции. Сам же этот процесс с конца XX в. до настоящего времени происходит хаотично, бесконтрольно, неупорядочено. Привлечением рабочей силы, в первую очередь в строительную индустрию, занимаются бизнес-структуры, решающие свои сиюминутные задачи. Подобный неконтролируемый способ привлечения рабочей силы и принятия мигрантов уже вызвал ряд серьезных эксцессов в регионе, например в Кондопоге. Поэтому в ходе работы над проектом предполагается акцентировать внимание на выявлении форм и методов государственной политики в области миграции как до революции, так и в советское время.

Итогом первого этапа исследования по данному проекту, в ходе которого проводились историографические (в первую очередь изучение различных опубликованных источников, включая газеты) и полевые разыскания, является следующая миграционная история данного региона.

Как показывают современные исследования, к концу I тыс. н.э. на этой территории проживали различные прибалтийско-финские народы: корела — на Карельском перешейке, воль и ижора — на Ижорском плато и вдоль южного берега Финского залива, вепсы — в бассейне рек Волхова, Паши, Ояи и Межозерья. В это же время начинается первый миграционный поток — стихийный проникновение сюда славянского населения. К концу I тыс. — началу II тыс. н.э. этот стихийный процесс становится колонизационным. Новгородская феодальная республика включает эту территорию в свою сферу влияния в качестве Водской пятины. В это время начинается переселение славян на эти территории новгородскими феодалами, т.е. процесс становится принудительным. Это привело к началу оттеснения прибалтийско-финских народов с мест

своего традиционного расселения, а также к началу естественно-принудительного ассимиляционного процесса.

После присоединения к Московскому царству Новгорода и Пскова, вывода местной феодальной элиты в центральные районы и раздачи новых земель московскому дворянству происходит новый миграционный процесс — прибытие русского в своей основе крестьянского населения. Эта миграция была вынужденной, в основном за счет беглых, которые селились чересполосно с вепсами в лесных районах северо-востока современной Ленинградской области. Внутрорегиональные перемещения стабилизируются после отмены Юрьева дня при Иване Грозном. В таком состоянии регион пребывает до начала XVII в.

Заключение Столбовского мирного договора 1617-го г. привело к полному изменению этнической ситуации в этом районе. Северо-западное Приладожье, Карельский перешеек и южное побережье Финского залива отошли к Швеции. В результате этого произошла вынужденная миграция корелы с Карельского перешейка и русского населения Приневья в другие районы Московского государства, например в район Твери. По некоторым оценкам, тогда эти районы покинули 28 тыс. чел. [Салохеймо 1995: 462]. Основной причиной ухода населения была конфессиональная — насильственное распространение здесь протестантизма. Вследствие этого шведские власти были вынуждены заселить освободившиеся районы пришлым населением, в основном из Финляндии [Шлыгина 1996].

Для финнов эта миграция была организованной, ибо шведское государство раздавало здесь земли, стимулируя миграционный процесс. Например, переселившееся в эти районы население освобождалось от рекрутского набора, что способствовало притоку сюда молодежи. Так здесь сложилось новое население, которое было пришлым. Финноязычные группы крестьян *савокот* и *зуремейсы* заселяли в основном сельские районы в Северной и Центральной Ингерманландии (так называлась современная Ленинградская область во времена шведского владычества. — А.Т.), а шведские дворяне, чиновники, священнослужители сосредоточивались в основном в Выборге, Кексгольме и приходских центрах [Sihvo 1991: 180]. Небольшую часть шведоязычных жителей составляли люди, сосланные из метрополии за различные провинности. Эта ситуация сохранялась до начала Северной войны. К концу XVII в. в регионе насчитывалось около 50 тыс. чел. [Engmand 1983: 65].

Возвращение этой зоны в состав России по Ништадскому миру 1721 г. привело к новому изменению этнического состава региона. По-видимому, часть финноязычного населения эмигрировала с этой территории вместе с отступившими шведскими войсками. Оставшейся части были обещаны сохранение конфессионального

состояния. Одновременно начинается новый миграционный процесс, на этот раз полиэтничный. Он был вызван в первую очередь экономическими причинами. На начальном этапе он проходил в принудительно-государственном порядке. Так, например, Указом 1712 г. было велено расписать земли в Ингерманландской губернии на отдельные участки под поселения русских крестьян и мастерового люда [Памятная книжка... 1905: 50; Троицкий 1970: 118–119].

Одновременно для проведения строительных работ в Петербурге применялась практика рекрутирования жителей фактически всех губерний Европейской России, называемых «переведенцами из российских городов». Этих людей привозили в строящуюся столицу на срок до трех лет, после чего они могли вернуться на место прежнего жительства. Но они могли и остаться здесь, что также было довольно частым делом. За счет перемещенного населения обеспечивались и возникающие здесь промышленные предприятия, например верфи Адмиралтейства, мастерские Сестрорецкого завода и т.д. К примеру, квалифицированных кораблестроителей переселяли с Архангельской верфи, мастеровых для оружейных и пороховых заводов — из Московско-Тульского промышленного района [Семенова 1977: 36–108; История рабочих Ленинграда... 1977: 13–31].

Неквалифицированных рабочих набирали в Архангельской и других северных губерниях. На раздаваемые Двором земельные участки в городе и губернии их владельцы из числа дворян привозили своих дворовых из центральных губерний. Но это чаще всего были крестьяне и рабочий люд. Однако для функционирования промышленных предприятий необходимы были грамотные специалисты. Они приглашались на первых порах из-за границы, причем государство гарантировало приглашенным лицам целый ряд льгот. Можно вспомнить знаменитые специальные манифесты 1762 и 1763 гг. Екатерины II, призвавшие из Европы всех желающих, кроме евреев, свободно переселяться в «наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших местах империи, до сего праздно остающихся». Всем переселявшимся были отведены наделы в 30 десятин на семью, даны деньги на «проезд и водворение», освобождение от податей и налогов в течение 30 лет, свобода от рекрутского набора, право на беспошлинную торговлю в течение 10 лет и т.д. Этими манифестами в первую очередь воспользовались немцы, в результате чего возникли немецкие колонии Петербургской губ. — Ново-Саратовская, Ижорская и т.д.

Столичный регион и дальше развивался по большому счету за счет миграции, хотя позднее она носила чисто экономический характер и развивалась без значительного участия государства.

Она была как сезонная, так и постоянная, особенно усилилась после отмены крепостного права в 1861 г. Именно за счет миграции происходил рост численности населения столичного региона [Юхнева 1984: 80–104].

Примерно такие же процессы проходили и после революции и Гражданской войны. Превращение Ленинграда в крупнейший промышленный центр постоянно требовало увеличения численности рабочих, служащих и т.д. Решение этой проблемы было невозможно за счет естественного демографического роста. Поэтому она решалась государством за счет привлечения населения на организованной основе. Государство брало на себя и адаптационные функции, понимая это как проблему повышения культурно-образовательного характера, с одной стороны, и обеспечения жильем — с другой.

Но в этот же период можно отметить и принудительные миграционные процессы, которые происходили в основном с конца 1920-х до середины 1940-х гг., в первую очередь в период раскулачивания, депортации финнов и немцев, эвакуаций во время Великой Отечественной войны. Например, в июле 1941 — апреле 1942 гг. из Ленинграда и не оккупированных немцами районов области было эвакуировано и отправлено на спецпоселения во внутренние районы СССР 44 737 финнов [Мусаев 1999: 96]. Одновременно немецкими властями было переселено в Финляндию с оккупированных районов Ленинградской области около 63 000 финноязычного населения [Там же: 102].

Последнее крупное одновременное перемещение населения на Северо-Западе произошло сразу после завершения войны. По мирному договору 1940 и 1944 гг. к СССР отошли значительные территории на Карельском перешейке и в так называемой финляндской Карелии. Финские власти эвакуировали в Финляндию из этих районов более 400 000 чел. Присоединенные к СССР территории заселялись в основном в организованном порядке. И этот процесс остается в силу различных причин наименее изученным.

К настоящему времени известно несколько государственных директив по освоению новых территорий. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 мая 1940 г., сюда намечалось переселить 40 000 семей колхозников из Белоруссии, Украины, Мордовии, Чувашии, Татарстана, Калининской, Кировской, Рязанской и других областей. Но этот план не был исполнен из-за начала Великой Отечественной войны. Этот процесс вновь возобновился уже во второй половине 1944 г, сразу после завершения войны с Финляндией [Степанков, Балашов 1996; Граница и люди... 2005].

27 января 1948 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 155 «О переселении колхозников в колхозы приго-

родных районов Ленинградской области», которое предполагало переселить в эти места 1550 семей из Владимирской, Рязанской, Калининской, Горьковской и Ярославской областей [ЦГА СПб. Ф. 7179, оп. 45, д. 25, л. 8]. 11 февраля 1949 г. принимается постановление правительства «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР», предусматривавшее переселение в республику 25 000 семей на основе оргнабора из различных регионов страны [Суни 1998: 80].

Государство принимало и другие меры для привлечения населения в новые районы. Так, в первом квартале 1945 г. Сельхозбанк СССР выделил 1 млн руб. для кредитования семей, переселяющихся на Карельский перешеек. Они выделялись для хозяйственного обзаведения в сумме до 8 тыс. руб., с возвратом равными долями на 7 лет начиная с третьего года пользования кредитом [Ленинградская правда. 1945. 3 марта].

Таким образом, современное население громадного региона Северо-Запада Российской Федерации складывалось вплоть до конца XX в. в ходе нескольких крупных миграционных процессов. В основном они носили экономический характер, но иногда приобретали политический оттенок. В проведении этих миграционных процессов всегда значительную роль играло государство, которое разными формами стимулировало, контролировало и проводило перемещение населения. Начиная с XVIII в. миграционные процессы были полиэтничными, хотя иногда этнический компонент играл существенную роль. Собственно, и само государство пыталось проводить более или менее адаптационную политику, которая принимало разные формы, в первую очередь образовательные.

***

Граница и люди. Воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб., 2005.

История рабочих Ленинграда. Л., 1977.

Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос в XX веке. СПб., 1999.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1905.

Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля. 1995.

Семенова Л.Н. Рабочие Петрограда в первой четверти XVIII века. Л., 1977.

Степанков В., Балашов Е. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб., 1996.

Суни Л.В. Ингерманландские финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998.

Троицкий С.М. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970.

Шлыгина Н.В. Возникновение финских поселений на территории Ин-
грии // ЭО. 1996. №. 5.

Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населе-
ния Петербурга. Л., 1984.

Engmand M. S:t Petersburg och Finland. Migration och influens. 1703–
1917. Helsingfors. 1983.

Sihvo P. Savakoita, durdmuisid, inkerikoita // Inkeri: Historia, kansa,
kulttuuri. Helsinki. 1991.

Е.Н. Успенская, М.А. Янес

ИКАТЫ ИНДИИ

В 2006 г. авторы длительное время (с 3 января по 30 марта) про-
вели в Индии, в г. Хайдарабаде, столице южного штата Андхра
Прадеш, за которым давно утвердилась слава «текстильного за-
поведника». Имея в виду это обстоятельство, мы ставили перед
собой задачу изучить традиции ремесленников, занятых изготов-
лением текстиля, и бытование самых характерных текстильных
изделий. По большей части увиденное оправдало наши ожида-
ния. В этой работе мы представляем свои наблюдения и размыш-
ления, относящиеся к тканям, выполненным в технике икат.

Икаты, произведенные в Индии, широко известны за ее предела-
ми, чаще всего под названием *патола*. Сари патола считаются
одним из эталонов сари и эталонов иката и поэтому непременно
упоминаются в специальной литературе. Довольно скоро выясни-
лось, что не все индийские икаты можно называть «патола», а
тех феноменальных достоинств, которые принесли этому виду
индийских тканей всемирную славу и восхищение, мы в совре-
менной Индии практически не увидели, хотя жили в самом «эпи-
центре» этого производства, а главное, приложили заметные уси-
лия, чтобы понять ситуацию. В музеях (в том числе и нашем) эта
слава сохранилась. Сохранилась на иллюстрациях в книгах. Эта
традиция даже еще теплится в виде единичных эксклюзивных
выставочных образцов (которые можно увидеть, например, в зале
Ассоциации ткачей). Вместе с тем тканей, выполненных в техни-
ке иката, производится немало, и они вполне разнообразны по
применению, материалу, цветовым решениям и используемым ор-
наментам. Это традиционные шелковые и хлопковые сари, жен-
ские шарфы *орхни* и *дупатта*, комплекты для шитья женского
костюма *шальвар-камиз*, мужские юбки *лунги*, дхоти, тюрбаны.
Производится много мерных икатов для шитья одежды, особенно
мужской (и на улицах города несложно встретить мужчин в икат-
ных рубашках), а также огромное количество декоративных тка-